

ДАВНЫМ-ДАВНО

Как родились Кукрыниксы?

Культура. — 1995. — 5 авг. — С. 5.

Николай СОКОЛОВ

Московское лето 1925 года. Мне двадцать два. Я студент третьего курса Вхутемаса, хочу стать художником. Получаю стипендию — десять рублей в месяц. Рубль из нее вычитают за общежитие.

Я не комсомолец и не "пролетарского" происхождения, поэтому больше двух лет дождался и стипендии, и общежития.

До этого ночевал где придется, искал заработок где удастся. Один раз на Сухаревке, на этом огромном рынке, рисовал портреты торговцев, по пятьдесят копеек за портрет. Лысые требовали пририсовать прическу, иначе, мол, ни гроша не дам. Стыдился, переживал, но нарисовал пять портретов.

Тогда я больше всего любил рисовать шаржи на студентов в нашу институтскую стенгазету, в ее "Арап-отдел" сатиры.

Редактором этого озорного отдела был студент Куприянов. "Мишка", как его звали студенты, был очень популярен и любим вхутемасовцами.

Я еще не был знаком с ним, а уже много забавного слышал от ребят.

— Ты не видел, как вчера Мишка Куприянов смешно танцевал "умирающего лебедя"? Хохот стоял!..

Слушая эти рассказы, я все больше стремился увидеть Куприянова.

Наконец встретил его — высокого, кудрявого, в клетчатой рубашке, с шарфом на шее, в серых поношенных брюках и больших солдатских ботинках. Серые глаза, пенсне с цепочкой за ухом и всегда с папкой.

Вдруг улыбнется, засмеется баском, не хочется с ним расставаться.

Острый на язык, смешной выдумщик, автор метких прозвищ:

— Ты — непокобелит!.. (не любишь ухаживать за девушками).

— Он типичный пропагандист! (это плохой, неумный пропагандист).

Вот я смотрю новый номер нашей стенгазеты. Она длинной в несколько метров. Большая цветная карикатура: здание Вхутемаса в виде корабля, название "Броненосец в потемках". И странная подпись автора карикатуры: "Кукры". Вспоминаю прошлый номер, в нем была подпись: "Крыкуп". Мне объясняют: это псевдоним двух друзей-студентов из начальных букв их фамилий: М.Куприянова и П.Крылова.

Ну "Ку" я уже знаю, знаком. А какой же "Кры"?

И вот мне однажды показали быстро идущего к дверям Вхутемаса небольшого парнишку в брезентовой куртке, брезентовых сапогах и такой же кепке. Он показался мне полным контрастом неспешащему, высокому, артистичного вида Куприянову.

Оба друга жили в том же общежитии, куда поместили и меня, но в другом подъезде.

И вот однажды вечером раздался стук в дверь. Появилась кудрявая голова Куприянова. Он тихо спрашивает:

— У вас, кажется, освободилось место?

— Да.

— Можно я к вам перееду из соседнего подъезда?

— Конечно! — радостно говорю я. Неси скорей свои вещи!

— А у меня их нет. Есть мешок холщовый, набитый газетами и рисунками... вместо матраца. Подушка и вроде одеяло есть. Так я сейчас их принесу.

Миша пришел с мешком.

Вытряхнули из него слезавшиеся бумаги.

И тут я вижу выпавшую мою карикатуру для стенгазеты, не помещенную строгим редактором. Посмеявшись, Миша сказал:

— Слишком она мягко была сделана, вот и попала в мой матрас.

С этого вечера Куприянов стал жильцом нашей комнаты.

Но теперь "Кры" должен приходиться к "Ку" в нашу комнату из другого подъезда для совместной работы. Работа вдвоем у "Кукров" шла весело, они придумывали и рисовали свои карикатуры в углу нашей комнатки, при свете висячей лампочки с железным абажуром. У моей койки тоже стоял небольшой столик, я на нем рисовал свои карикатуры для газет и журналов. Мне нравилась веселая дружба "Ку" и "Кры".

"Ку" оказался не только острым карикатуристом, но и прекрасным рисовальщиком: привозил десятки пейзажей с юга, выполненных черной акварелью, а "Кры" удивлял талантом живописца, неутомимостью в работе. Когда бы я ни зашел в комнату "Кры", где он жил с тремя соседями, я всегда заставал его с кистью в руке, казалось, на правой руке у него шесть пальцев и шестым была кисть.

И вот однажды Куприянов говорит мне:

— Коля! Слушай, давай присоединяйся к нам с Порфишем — третьим!.. Будем вместе работать, добавим к "Кукры" еще и "Никс"!.. Как, ты согласен?

— Я-то — за, но как отнесется Крылов?

— Он согласен вполне! Нам обоим нравится, как ты работаешь. Мы с Порфишем вместе работаем уже два года. Ты свидетель, как хорошо работать вдвоем, веселей. А втро-

ем будет еще лучше!..

Решаем первую свою совместную работу начать в редакции журнала "Комсомолия", где редактор молодой поэт Александр Жаров. "Кукры" уже работали в этом журнале вдвоем, теперь мы пришли втроем. В редакции встретили нас весело. Решили: мы должны нарисовать серию дружеских шаржей на молодых поэтов и прозаиков. Начали с похода втроем по редакциям журналов и газет в поисках нужных "жертв" для шаржей. Найдя, сажались рисовать с трех сторон, потом менялись местами, исправляли рисунки друг друга, добавляя остроты и сходства. Этот метод вызывал у "натурщиков" и зрителей веселое удивление, часто смех и шутки.

Мы и сами заметили интерес и пользу такой общей работы втроем. Полное доверие друг другу при отсутствии болезненного самолюбия: мол, у меня лучше, чем у них. Окончив одобренную редакцией журнала серию шаржей, мы с непривычки подписали эту первую работу не "Кукрыниксы"; а отдельными фамилиями всех троих.

Зато все последующие шаржи, карикатуры на литературные темы, на бездельников и беспорядки на транспорте в газете "Правда", на бытовые темы, иллюстрации к книгам классиков и современников уже имели подпись "Кукрыниксы".

Потом художник П.Корин не раз говорил нам, что хочет написать наш портрет, всегда добавляя:

— Уж больно вы разные — это и интересно!

Да, мы были и внешне не похожими друг на друга, и по характеру, и даже по социальному происхождению различны.

"Ку" — сын служащего, "Кры"

— сын рабочего, а "Никс" — сын купца, хоть и разорившегося еще до революции. Нас сдружили человечность, одержимость искусством. Каждый из троих учился чему-нибудь друг у друга. Так Крылов помог Куприянову и мне стать живописцами, а мы оба пригодились ему как графики, рисовальщики.

Все трое были беспартийными, чувствуя себя ни от кого не зависимыми всю жизнь. Еще молодыми, неженатыми Куприянов и я любили исполнять номер "Пат и Паташон". Меняясь пиджаками, в одинаковых белых шапочках, мы смежно плясали, особенно в домах отдыха. За выступление получали ужин. Вхутемасовцы любили шутки, розыгрыши, и чем нелепее была выдумка, тем больше в нее почему-то верили. Часто темой было подыскание заработка.

Все трое Кукрыниксов, став женатыми, любили разыгрывать шарады тремя семьями. Шутка, остроумное слово ве-

селило всех. Зарботки всю жизнь делили ровно на три части, даже полученный кем-то из троих лично. Это правило строго соблюдалось всем коллективом. Даже заболевший получал свою треть.

Все шестеро — Кукрыниксы и их жены — любили спорт, особенно волейбол, составляя свою команду.

А сейчас прошло уже 70 лет со времени появления на свет художника Кукрыниксы. К великому горю, нет уже М.Куприянова и П.Крылова. Все дети Кукрыниксов стали художниками, многие из внуков — тоже.

Еще когда все трое были живы, мы часто слышали упоминание имени художника Кукрыниксы.

— Кукрыниксов на вас нет! — слышался крик человека, возмущенного беспорядком.

— Вы можете меня и "подкукрыниксить", я не обижусь! — предлагал мне артист МХАТа В.И.Качалов, когда я собирался рисовать его портрет.

— Как поживают ваши "кук-

рыниксы"? — спрашивали про наших детей.

Не мог выносить имени Кукрыниксы Гитлер, и это понятно. Он даже собирался повесить нас троих на Красной площади Москвы после взятия им столицы, но...

Бывало и другое, когда нам сообщили в 1956 году в Военной прокуратуре, что Кукрыниксов должны были расстрелять "свои" по "делу" режиссера Вс.Мейерхольда, реабилитированного посмертно полностью. Но до нас "не дошла тогда очередь"... Началась война с Гитлером. Спасли судьба и события...

Нам писали школьники письма, задавали в них вопросы:

— Где я могу выучиться на Кукрыникса?

Прошли годы. Мне уже девяносто второй идет... Газеты иногда публикуют мои воспоминания. Хочется хотя бы этим продлить память о нашем счастливом содружестве.